

*Семенова С.Ю.**

ЛИЧНАЯ ПРИМЕТА: СТРУКТУРА И СООТНЕСЕННОСТЬ С ДРУГИМИ ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ ЗНАКАМИ

Аннотация. Рассматриваются индивидуальные импровизированные знаки, называемые автором личными приметами – по аналогии с традиционными культурно обусловленными приметами. Исследуется структура личной приметы с позиции дихотомии «означающее – означаемое». В означающем выделяются две ситуации: текущая, наблюдаемая индивидом, и базисная, мотивирующая интерпретацию текущей. Между ситуациями имеют место отношения семиотического типа; наряду с индексными возможны иконические (понимаемые специальным образом). Означающее (когда оно заключается в принимаемом индивидом решении) бывает связанным с символизацией базисной ситуации или ее атрибутов. Личная примета как многоаспектный знак ассоциируется с целым рядом других знаков, прежде всего индивидуальных; в статье представлены «межзнаковые» связи.

* *Семенова Софья Юльевна* – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент Кафедры теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия; sonya_sem@mail.ru

Semenova Sophia Yul'evna – PhD in Philosophy, Senior Researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; lecturer in Institute of linguistics of the Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; sonya_sem@mail.ru

Ключевые слова: невербальная семиотика; примета; прогностический знак; окказиональный знак; интерпретирование знака.

Поступила: 27.04.2023

Принята к печати: 17.05.2023

Для цитирования: Семенова С.Ю. Личная примета: структура и соотносённость с другими индивидуальными знаками // Вестник культурологии. – 2023. – № 3(106). – С. 116–131. – DOI: 10.31249/hoc/2023.03.07

Semenova S.Yu.

**Individual prognostic sign (omen): Structure
and relations with other individual signs**

Abstract. Individual spontaneous signs named by the author as individual omens are under consideration. The structure of the sign above is described from the point of view of the signifier-signified dichotomy. The signifier includes two types of situations, namely, a current one and a motivating one. The relation between the two types of situations can be characterized as a semiotic one; it usually has features of an index, but it is sometimes associated with an icon. The signified in some cases makes symbolization of the motivating situation participants. A number of associations between the individual omen and other kinds of individual signs are presented in the paper.

Keywords: nonverbal semiotics; omen as a sign; individual sign; prognostic sign; sign interpretation.

Received: 27.04.2023

Accepted: 17.05.2023

For quoting: Semenova S.Yu. Individual prognostic sign (omen): Structure and relations with other individual signs // Bulletin of Cultural Studies. – 2023. – № 3(106). – P. 116–131. DOI: 10.31249/hoc/2023.03.07

Вместо введения

Объектом рассмотрения в данной статье является одна категория невербальных индивидуальных знаков, которая, как представляется, до сих пор не удостоивалась детального, тем более формализованного анализа в семиотической литературе, по крайней мере отечественной. Между тем знаки этой категории интересны как своими структурными особенностями, так и ассоциативным потенциалом, а также континуальным, диффузным характером встраивания в широкий пласт смежных информационных образований.

Речь идет о спонтанных знаках, означающие которых составляют ситуацию, ассоциирующуюся с некоторой другой ситуацией, прежде всего – с прошлым опытом индивида-интерпретатора, а означаемое представляет собой прогноз или руководство к действию.

Отметим, что, говоря об означающем и означаемом, мы подтверждаем приверженность к классической дихотомии, восходящей к Ф. де Соссюру. В то же время, как будет видно из дальнейшего изложения, мы опираемся и на знаменитую триаду Ч. Пирса, предполагающую выявление трех принципиальных типов отношений между знаком (репрезентативом) и объектом (референтом) – иконического, индексного (индексального) и символического. На наш взгляд, эта двойственная опора не составляет противоречия; наоборот, она обусловлена стремлением к поиску некоторой ниши на пересечении основных членений, сложившихся в семиотике.

Одной из принципиальных установок, положенных в основу данного исследования, является включение в рассмотрение только тех невербальных знаков, для которых так или иначе засвидетельствован опыт их функционирования именно как знаков; тем самым обуславливается их объективный характер. Примеры знаков, которые будут далее приводиться в статье, взяты либо из произведений художественной литературы, либо из кинофильмов и телепублицистики, либо основаны на личном опыте автора и на рассказах знакомых.

Так, литературным примером рассматриваемого далее типа знаков может служить фрагмент романа А. Рекемчука «Мальчики», изданного в 1970 г. и весьма популярного в 1970-е годы, экранизированного в 1971 г. Этот фрагмент – встреча главного героя, музыкально одаренного юноши Жени Прохорова, с подружкой раннего детства Са-

шей Тиуновой в ответственный и волнительный для героя момент жизни (поступление в консерваторию). Факт, что в давний, по-хорошему значимый для дальнейшей судьбы Евгения миг детства он был дружен с Сашей, позволяет ему видеть в повторной встрече доброе предзнаменование. Вот фрагмент романа, описывающий конкурсное волнение героя. Саша, одетая в белое платье, под окнами консерватории ждет результатов прослушивания. Повествование ведется от первого лица, и примечательно, что герой сам оценивает наблюдаемое как знак.

«Сквозь июльскую густую зелень, сквозь прутья консерваторской ограды я видел белое платье – там, у постамента, на котором восседает Петр Ильич. Экзамен по композиции был назначен в Белом зале. Белый зал. Белое платье. Я счел это добрым знаком...»¹

Такой знак – предзнаменование – по структурной типологии знаков, предложенной Л.Л. Федоровой [Федорова, 2019], является знаком извлекаемым, а не посылаемым, т.е. не результатом намеренной адресации. При этом объект непосредственного восприятия героя, входящий в сферу данного предзнаменования, – белое платье подруги – можно интерпретировать как естественный знак: являясь артефактом, а не природным объектом (т.е. искусственным по материалу [Федорова, 2019, с. 52]), он тем не менее не создавался специально как знак и выступает как таковой окказионально.

С позиции классической дихотомии «означающее – означаемое» в данном литературном примере предзнаменования к означаемому следует отнести аксиологическую оценку (прогноз, в данном случае хороший), а к означающему – два факта или, более обобщенно, две ситуации, одна из которых (обозначим ее через Sit1) отмечается интерпретатором в момент наблюдения, «сейчас», а вторая, Sit2, имела место в прошлом. Обе ситуации в составе данного знака образуют логическую связку, конъюнкцию, тем самым означающее можно схематично представить с помощью формулы

$$\text{Sit} = \text{Sit1} \ \& \ \text{Sit2}.$$

¹ URL: <http://lib.ru/PROZA/REKEMCHUK/malchiki.txt> (дата доступа: 17.02.2023).

Такого рода знаки можно отнести к категории примет, причем примет индивидуальных, личных. Их мы, главным образом, и будем рассматривать далее в статье. Собственно, так и назовем их – личными приметами.

О структуре личной приметы

Итак, опираясь на приведенный выше литературный пример, мы отмечаем, что означающее личной приметы складывается из двух ситуаций, Sit1 и Sit2, первая из которых относится к текущему моменту (к моменту формирования знака, т.е. моменту семиозиса), а вторая – к прошлому. Другие примеры (см. далее) подтвердят, что отнесенность Sit1 строго к настоящему времени не существенна для идентификации знака как личной приметы; более существенным является тот факт, что Sit2 предшествует Sit1; бывает также, что Sit2 соответствует обычному, постоянному положению вещей, не связанному с конкретным моментом времени (см., например, ниже пример из кинофильма «Служебный роман»). По отношению к ситуации Sit1 ситуация Sit2 выступает как мотивирующая, как своего рода базис.

От классических (традиционных или обычных) примет личные приметы отличают спонтанный, импровизационный (а не традиционный, культурно обусловленный) характер и «одноразовость», т.е. отсутствие, вообще говоря, воспроизводимости.

(Отметим, однако, что воспроизводимость личной приметы не исключается. Например, какой-нибудь предмет своей одежды интерпретатор может считать несчастливым и всякий раз избегать надевать его в ответственные дни; такая практика наблюдалась автором.)

Также у личных примет можно отметить отличия от обычных примет в онтологическом классе и означающего, и означаемого. Обычная примета как знак являет собой единство наблюдаемой ситуации (означающего) и вывода (толкования), нередко выражаемого с помощью интерпретирующего эту ситуацию воспроизводимого текста – фразеологизма, клише. Тривиальные примеры: если случайно разбился мелкий предмет посуды, то произносят «к счастью» (или, скажем, употребляют более развернутую паремическую фразеологическую единицу «Посуда бьется к счастью»). Если наблюдаемой ситуацией является низкий полет ласточек, то произносят «к дождю» и т.п. Тем

самым информация (вывод из наблюдаемой ситуации) и клишированный текст часто вместе составляют означаемое [Федорова, 2019]. У личной приметы означающее состоит из двух ситуаций, текущей и фоновой (и в то же время мотивирующей), а означаемое, скорее всего, не будет включать текста, по крайней мере внешнего, артикулируемого; означаемое личной приметы прототипически ментально, оно бывает даже сокровенно.

Отметим, что Л.Л. Федорова интерпретирует классическую примету как естественный знак, а вербальную составляющую ее вывода – как искусственный компонент этого знака. Исходя из этого, мы трактуем личную примету (не имеющую, вообще говоря, вербального воплощения), как естественный знак.

Очевидно, что у традиционной приметы фоновая ситуация (аналог Sit2 в структуре личной приметы) была, но стерлась, ушла в тень со временем. Так, факт, что после низкого полета ласточек часто начинался дождь, отмечался коллективным сознанием и стал общим местом, упоминание которого не требуется. Или в коллективном сознании запечатлелось, что вскоре после очень грибного лета, случилось, начинались войны; такое лето выдалось в Подмосковье в 1940 г.¹

А в случае личной приметы индивид основывает свою знаковую деятельность на фактах не коллективного, а собственного опыта, и Sit2 учитывается индивидом явно, лежит в основе семиозиса. Таким образом, в случае личной приметы можно говорить об экспликации фоновой ситуации, пребывающей «в тени» в случае приметы традиционной.

Отметим, что Sit1 и Sit2 могут быть составными, «разложимыми» и сами представлять собой совокупности, конъюнкции более простых ситуаций. Так, в рассматриваемом литературном примере Sit2 включает два отдельных операнда: 1) «В детстве Женя дружил с Сашей» и 2) «В детстве с Женей произошел счастливый случай» (можно напомнить читателю, что Женю как одаренного ребенка увезли из провинциального детского дома и приняли в Московское хоровое училище, так у него началась совсем другая, интересная жизнь).

¹ URL: <https://back-in-ussr.com/2021/01/sbor-gribov-v-velikuyu-otechestvennuyu-voynu.html> (дата доступа: 03.06.2023).

Заметим, что при детализации ситуаций появляется аналогия со структурированием ситуаций в компьютерной лингвистике и в искусственном интеллекте. Так, разложение так называемых текстовых фактов и формализованных словарных толкований на элементарные ситуации составляет часть Информационно-лингвистической модели автоматического понимания текста и одно из средств метаязыка для прикладного семантического словаря, разработанных Н.Н. Леонтьевой ([Леонтьева, 2006] и др.).

Личная примета (как и примета традиционная) может служить, с одной стороны, средством аксиологической оценки положения вещей, текущего или будущего (как в рассмотренном эпизоде из романа «Мальчики»), а с другой стороны – указанием к действию.

Можно привести случай из личного опыта автора. Несколько лет назад в магазине мне понравилась одна куртка для отца. В ответ на вопрос о том, где сшита куртка, продавщица прочитала вслух текст этикетки: «Смоленская область, город Гагарин». И это стало сигналом к тому, чтобы куртку сразу же купить: детские довоенные годы отца прошли в городе Гжатске, который потом был переименован в город Гагарин.

(Отметим, что у традиционной приметы выводом, т.е. означаемым, тоже, помимо прогностической оценки, может быть указание к действию; комический пример – при ходьбе по улице остановиться на несколько секунд, если кошка перейдет дорогу.)

У личной приметы аксиологический и практический выводы могут выступать синкретично. Например, в культовом кинофильме «Москва слезам не верит», во второй серии, в сцене на даче, главная героиня Екатерина (персонаж В. Алентовой) говорит подруге, что не любит, когда у какого-либо мужчины не почищена обувь (это фактически есть вербальная экспликация ситуации Sit2). В тот же вечер Екатерина встречает в электричке персонажа А. Баталова Гошу (Sit1), и тот, извиняясь за свои не слишком чистые ботинки, признается, что сам раздражается, если видит такое. Эта общность во вкусах (точнее, в поводах для раздражения) вызывает у Екатерины и симпатию (аксиология), и желание откликнуться на знаки внимания со стороны Гоши (практический вывод).

Для личной приметы в означающем, т.е. в итоговой ситуации Sit как логическом произведении Sit1 и Sit2, психологически важным для

индивида может стать отдельный участник ситуаций или его атрибут (белый цвет Сашиного платья; место пошива куртки и т.п.).

Можно привести еще некоторые пары Sit1 и Sit2, наблюдавшиеся автором, в том числе пары, составлявшие аксиологически отрицательные приметы. Например, коллега запаздывает на работу (Sit1), а раньше никогда не опаздывал (Sit2) – значит, с ним случилось что-то плохое; знакомый не ответил на электронное письмо (Sit1), а раньше всегда отвечал (Sit2); знакомый не поздравил с днем рождения (Sit1), а раньше всегда поздравлял (Sit2), и другие подобные настораживающие случаи.

По классификации Ч. Пирса личные приметы следует отнести к индексным знакам, ведь означающее и означаемое связаны причинной связью: примета добрая (или, наоборот, тревожная), потому что имела место Sit2; либо индивидом принимается такое-то решение, такое-то руководство к действию, поскольку имела место Sit2. А причинная связь выступает как частная реализация смежности, индексальности.

Примечательно, что между Sit1 и Sit2, т.е. текущей и мотивирующей ситуациями, тоже просматривается связь семиотического характера (хотя обе ситуации мы интерпретируем как располагающиеся в рамках означающего). Sit1 и Sit2, очевидно, связаны по смежности, а именно связаны темпоральным отношением. Это, как уже отмечалось, бывает отношение «сейчас и тогда»: на пути главного героя встрети-лась Саша («сейчас»), и она была в его окружении «тогда»; куртка, понравившаяся «сейчас», произведена в том городе, с которым жизнь близкого человека была связана «тогда». Это может быть и темпоральное отношение «сейчас и всегда»: друг не поздравил с именинами «сейчас», хотя обычно, т.е. «всегда», поздравляет.

При этом в примере из романа «Мальчики» между Sit1 и Sit2 можно усмотреть также иконичность, изобразительность: герой вспоминает свою детскую дружбу с Сашей, и значит, какие-то сцены всплывают перед его **мысленным взором**, вызывая желание «войти в ту же реку». Отметим, что здесь можно видеть аналогию со знаками-запахами, пробуждающими воспоминания и способными погружать человека в свое прошлое [Федорова, 2019, с. 66].

А в примере с курткой связь между Sit1 и Sit2 только индексная; иконичность отсутствует, поскольку у интерпретатора нет **личных**

воспоминаний о Гжатске, есть только знание факта из детства близкого человека.

В этой связи, как представляется, для личной приметы (и некоторых близких семиотических единиц; см. раздел 3) можно установить условный барьер между иконическим и индексным отношением среди компонентов означающего (т.е. среди Sit1 и Sit2): иконическое отношение опирается на чувственную сферу интерпретатора, а индексное отношение, скорее, выступает как логическое (не связанное, или менее связанное с чувственным восприятием); ср. рассуждения А.Н. Барулина о том, что распознавание иконического знака обусловлено законами перцепции, а индексного – [широко понимаемым] жизненным опытом интерпретатора [Барулин, 2002, с. 40].

Выбор, осуществляемый индивидом, – например, выбор предметов одежды и их фасонов, выбор деталей интерьера, растений для дома или сада и т.п., может мотивироваться ностальгическим прошлым выбирающего. И тогда, во-первых, Sit1 (ситуация выбора «сейчас») и Sit2 (ситуация в прошлом) связаны по смежности: предмет встретился «сейчас», а аналог был «тогда» – тот же тип предмета, но другой экземпляр: например, цветы золотые шары (рудбекию рассеченную) или флоксы решено посадить и выращивать «сейчас», поскольку такие цветы были «тогда» – в детстве, в другом саду. Во-вторых, ситуации соединяются и связью иконической: выбор основывается на образах, всплывающих в памяти (освещенные солнцем золотые шары, любимое детское платье с круглым воротничком и подобное). Таким образом, если задействован личный опыт интерпретатора, то индекс и икона способны выступить синкретично.

Вообще, совмещение разных пирсовских идеализированных типов знака, их варьирование, преобладание той или иной концептуализации при разных способах функционирования реальных знаков отмечается несколькими авторами; ср. примеры в книге Л.Л. Федоровой наподобие следующего: государственный флаг, с одной стороны, выступает как **символ** страны, с другой стороны, он способен служить как **индекс** – в частности, как показатель почетной роли данной страны на церемонии награждения чемпиона международных соревнований [Федорова, 2019]. Н.Б. Мечковская, обсуждая свойства языковых знаков, перечисляет целый ряд случаев, когда в языковом знаке, трактуемом традиционно как пирсовский [условный] символ, также отме-

чаются признаки иконичности, изобразительности; наряду с привычно упоминаемыми оноματοпоэтическими словами, исследователь приводит еще несколько типов синкретичных единиц [Мечковская, 2007]. На смешанность идеализированных пирсовских типов в реальных семиотических единицах обращал внимание и А.Н. Барулин. В частности, он говорил об этом на одном из своих семинаров по происхождению языка и сигнальной коммуникации животных. Собственно, и в своей известной книге, описывая классификацию Ч. Пирса, он приводит синкретичный пример: «В углу у Вас образ Христа (иконический знак). Лик Христа – знак его учения, знак религиозного мифа (индексный знак)» [Барулин, 2002, с. 43].

В личной примете (в той ее разновидности, в которой означаемым является не прогноз, а принятие решения) выбор по смежности имеет место, например, тогда, когда целенаправленно воспроизводится опыт, но не свой, а другой личности, прежде всего близкого человека. Таким может быть выбор поминальной еды – тех кушаний, которые любил ушедший (хотя и в этом выборе также возможна иконичность – воспоминание, **как** ушедшему нравилось данное блюдо, **как** он хвалил это блюдо и т.п., и ностальгическое воспоминание есть часть дорожного образа).

При подобном мотивированном выборе можно говорить и о символизации (понимая, впрочем, символ несколько шире, чем пирсовский чисто условный знак; понимая его как знак образный): **эти** золотые шары, выбираемые «сейчас», **этот** экземпляр растения символизирует **те** золотые шары детства. Можно отметить, что восстановленное после пожара здание ИНИОН не только имеет сходство со зданием ИНИОН Я.Б. Белопольского, но и символизирует его (правда, не только в индивидуальном, но и в коллективном сознании).

В выборе решающим может быть и протестный мотив. Комичный, гротескный пример есть в кинофильме «Служебный роман». Персонаж Л. Ахеджаковой, секретарь Вера, примеряет предложенные ей кем-то сапоги, размышляет, не купить ли их. Вслух решает «Надо брать!», исходя из двух ситуаций: начальнице не нравятся сапоги (Sit1), и начальница слывет неженственной, является в соответствующем отношении антиавторитетом для Веры (Sit2). В данном примере отнюдь не ощущается иконичности, тем более нет ностальгии; Sit1 и Sit2 связаны только индексной связью.

О знаках, смежных по отношению к личной примете

Личная примета представляет собой емкий, многосторонний знак, и есть целый ряд других семиотических единиц, с которыми ее – по разным аспектам – можно соотнести. Перечислим их (конечно, не претендуя при этом на полноту и понимая, что возможны и другие ассоциации). Вообще, при рассмотрении личной приметы, при стремлении вычленить ее из некоторого континуума обращает на себя особое внимание диффузность мира невербальных знаков, «перетекание» одного типа в другой.

3.1. Итак, личную примету (включающую прогнозирование либо принятие решения) можно сопоставить с «чистой констатацией»: состоянием сознания, заключающемся в обнаружении, а затем мысленном созерцании связи, некоторого совпадения в ситуациях Sit1 и Sit2), но без прогнозирования и поведенческого выбора. Можно привести пример из цикла телевыступлений З. Прилепина «Уроки русского», а именно Урок № 136, в котором полет (т.е. «вознесение») Ю.А. Гагарина, сына колхозного плотника (Sit1), публицист соотносит с евангельским сюжетом, с вознесением другого Сына плотника (Sit2). Также можно предположить, что переживание этой параллели интерпретатором (З. Прилепиным), а затем и телезрителями, усиливается благодаря еще одному обстоятельству, подспудно обитающему в коллективном сознании общества: почти совпадению возрастов трагического ухода героев – 34 и 33 года.

Ощущение совпадений имелось и в собственном опыте автора. Для меня предметом удивленного созерцания было, например, переселение части отделов ИНИОН в 2015 г., после пожара, в здание на улице Кржижановского (Sit1): в свое время именно в этом здании, в его актовом зале, я, как и другие выпускники расположенной поблизости 21-й школы (ныне поменявшей номер на 1534), получали аттестат зрелости (Sit2). Это совпадение навевало мысли о том, что человек в своей жизни «ходит кругами», подчас по одним и тем же местам. Вообще, знаку-совпадению, «вырожденному» по отношению к личной примете, знаку с нулевым (в практическом отношении) означаемым (или пустому знаку по типологии Л.Л. Федоровой) предполагается посвятить отдельное исследование.

3.2. Личную примету как прогностический феномен можно сопоставить с предчувствием. Для предчувствия характерна смешанная таксономия: его можно считать восходящим и к определенному знанию, и к сфере ощущений. В контексте данной статьи существенно, что предчувствие, в отличие от примет, способно возникать и при отсутствии наблюдаемых и мотивирующих ситуаций; тем самым оно может выступать как нулевой знак (т.е. знак без эксплицитного означающего). Ряд языковых средств, выражавших предчувствия в дискурсе семьи автора в 1980-е и 1990-е годы, представлен в: [Семенова, 2011].

3.3. По частному, «географическому», признаку (нечто связано с такой-то местностью) у личной приметы есть аналогия с сувенирами. Причем наряду с собственно сувенирами (т.е. предметами, предназначенными для хранения) знаками могут служить обыденные, расходимые предметы: пирожки (или другие угощения) с Арбата (или, скажем, с Невского проспекта), которые приобретают географическую знаковую функцию, когда ими угощают близких или коллег; причем практически такие же угощения можно купить где-то поблизости, и тогда они сохранят знаковую функцию как угощения, но не будут иметь географической функции.

3.4. По признаку импровизационности личные приметы близки к намеренным испытаниям судьбы – скажем, к бросанию жребия, совершаемому при помощи подручных средств или с использованием некоторой ситуации как «подручной». Можно привести пример из романа-эпопеи «Война и мир» Л.Н. Толстого. «Ежели она подойдет прежде к своей кухне, а потом к другой даме, то она будет моей женой», – сказал совершенно неожиданно сам себе князь Андрей»¹. Эта импровизация князя Андрея представляла собой и прогноз, и бросание жребия в строгом смысле (получение руководства к действию), поскольку исход испытания определял дальнейшую линию поведения Андрея Болконского по отношению к Наташе и ее родным. Как известно, сам Л.Н. Толстой имел привычку загадывать на чем-либо, апеллировать к случаю, и этот психологический опыт он передает своему герою. По признаку импровизационности личные приметы

¹ URL: (<https://www.litres.ru/lev-tolstoy/voyna-i-mir-kniga-1/chitat-onlayn/page-44/>). (дата доступа 17.02.2023).

отличаются от традиционных, сложившихся в культуре способов гадания и прогнозирования (таких как карты Таро, обычные карты, хиромантия и т.п.).

3.5. Есть параллель между личной приметой и тайным знаком, намеренно адресованным конкретному индивиду. Такова, например, фотография любимой девушки Вари на спасительной для героя двери в 5-й серии телефильма «Место встречи изменить нельзя» (не менее культового, чем остальные упоминаемые в данной статье фильмы). Личная примета отличается от тайного знака так, как отличается извлекаемый знак от получаемого – т.е. рукотворного, созданного.

3.6. Принятие решения индивидом с опорой на авторитет (или, наоборот, в силу отрицания антиавторитета, см. выше эпизод с персонажем Л. Ахеджаковой в кинофильме «Служебный роман») перекликается с выборными технологиями, когда перед электоральной аудиторией выступают известные личности, призывающие поддержать некоего кандидата. Очевидная цель такого приема манипулирования – добиться, чтобы у избирателя возникло означаемое «надо голосовать за X, потому что его рекомендует такой авторитет как Y». С другой стороны, голосование может быть и протестным, и тогда настрой избирателя примерно таков: «если Y за, а он для меня антиавторитет, то я против». Эпизод из кинофильма «Служебный роман» соотносится именно с протестным голосованием. Выборную манипуляцию можно трактовать как сложный знак, при этом посылаемый (а не самостоятельно извлекаемый индивидом), рукотворный.

В настоящее время начиная с февраля 2022 года определенные аналогии возникают при наблюдении отношения окружающих к Специальной военной операции. Люди, колеблющиеся в своем отношении к этой реалии, могут как опираться на авторитеты, так и отвергать антиавторитеты.

3.7. Личную примету, которую индивид, соотнося Sit1 и Sit2, формирует **для себя**, можно противопоставить случаю, когда некоторый агент стремится к истолкованию совпадений между ситуациями **для другого** – например, в публичной сфере. Так, в публицистике встретила констатация мистической связи между 100-летием со дня образования СССР в 2022 г. и смертью в том же году знаковых политиков 1991 г. – М.С. Горбачева, Л.М. Кравчука и С.С. Шушкевича. Такого рода связь можно отметить для себя, а можно использовать ее

как идеологему. В последнем случае агент может либо верить в мистическую неслучайность такой связи, либо абстрагироваться от собственного мнения и отстраненно выполнять идеологическую задачу.

3.8. Просматривается аналогия между личной приметой и индивидуальными посвящениями – открытыми или тайными. Свой труд, достижения индивид нередко посвящает конкретному человеку, живущему или ушедшему. Так, скрипач О. Крыса назвал большой диск записей своей игры, вышедший в 1985 г., «Посвящение Паганини». Актриса Н. Мордюкова говорила, повторяя опыт своих учителей, что каждая роль должна быть кому-то посвящена, и что она следует этому правилу. Любопытны примеры посвящений в спорте: фигуристка А. Загитова, по ее словам, посвятила один из показательных номеров памяти матери своего тренера Д. Глейхенгауза; лыжник Д. Спицов на Олимпиаде 2018 г. посвятил свою серебряную награду памяти отца, сотрудника органов МВД, погибшего при исполнении служебного долга. Очевидно, что созданное произведение или осуществленное выступление символизирует духовную связь между индивидом и адресатом посвящения.

Вместо заключения

Представляется, что, говоря о личной примете (и некоторых близких к ней знаках; см., например, п. 3.1), нельзя игнорировать мистический аспект. Как известно, человек склонен усматривать особые знаки в моменты эмоционального напряжения, делающие его очень восприимчивым к такого рода информации. Человек может сам искать, «ловить» такие знаки, считая их знаками судьбы. Иногда знак сам неожиданно «находит» человека, и это вызывает особое воздействие на эмоциональную сферу. Так, в утро похорон близкой знакомой семьи автора, специалиста по экономике Бразилии, по радио неожиданно стали транслировать «Бразильскую бахиану № 5» Э. Вила-Лобоса.

Возникает тонкий, даже скользкий момент: насколько объективны фиксируемые сознанием связи между ситуациями, не являются ли они надуманными интерпретатором? Так, дождь во время Парада Победы 24 июня 1945 г. – случайное погодное явление или знак скорби по погибшим воинам (как этот дождь иногда трактуют)? Подобные вопросы сложны и в определенной мере вечны; ответы на них зависят и от

психологической установки интерпретатора (насколько он позволяет себе мистический настрой), и от его семиотической подготовленности, наблюдательности, навыка выстраивать аналогии для наблюдаемого положения вещей.

Завершая данную статью, можно сделать и некоторые вполне материалистичные выводы, касающиеся личной приметы и смежных с ней знаковых единиц; эти выводы представляются полезными для дальнейших рассмотрений внутренних связей между невербальными знаками и их компонентами.

1. Личная примета как знак представляется интересной, в том числе благодаря наличию семиотических отношений не только между означающим и означаемым (что является конституирующим для знака вообще), но и между компонентами внутренней структуры означающего.

2. Личная примета представляет собой емкий, многоплановый знак, с которым, по разным его аспектам, может быть соотнесен значительный круг других знаков, прежде всего индивидуальных.

3. Рассмотрение личной приметы подтверждает континуальность и синтетичность, наблюдаемую среди невербальных знаков в целом.

Список литературы

Барулин А.Н. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация. Часть 1. – Москва : Спорт и Культура, 2002. – 464 с.

Леонтьева Н.Н. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы : учеб. пособие для студ. лингв. фак. вузов. – Москва : Издательский центр «Академия», 2006. – 304 с.

Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура : курс лекций / учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. – Москва : Издательский центр «Академия», 2007. – 432 с.

Семенова С.Ю. О предчувствии и его речевых свидетельствах // Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – Москва : Издательство «Индрик», 2011. – С. 132–141.

Федорова Л.Л. Семиотика : курс лекций для магистрантов и аспирантов. – Москва : Издательство РГГУ, 2019. – 573 с.

References

Barulin, A.N. *Osnovaniya semiotiki. Znaki, znakovye sistemy, kommunikatsiya. Chast' 1* [Principles of semiotics. Signs, sign systems, communication. Part 1]. Moscow, Sport i Kul'tura Publ., 2002. 464 p. (In Russ.)

Leont'yeva, N.N. *Avtomaticheskoe ponimanie tekstov : sistemy, modeli, resursy* [Automated understanding of texts: systems, models, resources]. Moscow, Izdatel'skij tsentr Akademija Publ., 2006. 304 p. (In Russ.)

Mechkovskaja, N.B. *Semiotika. Jazyk. Priroda. Kul'tura: Kurs lektsij* [Semiotics. Language. Nature. Culture, /studies. manual for students. philol., linguist, and translator. fac. higher. studies. institutions / 2nd ed., ispr]. Moscow : Izdatel'skij tsentr Akademija Publ., 2007. 432 p. (In Russ.)

Semenova S. Yu. O predchuvstvii i ego rechevyh svidetel'stvah [On the presentiment and its linguistic characters] In *Lingvofuturizm. Vzglyad jazyka v budushchee*. Moscow, Izdatel'stvo "Indrik" Publ., 2011, pp. 132–141. (In Russ.)

Fedorova, L. L. *Semiotika: kurs lektsij dlya magistrantov i aspirantov* [Semiotics. A course of lectures for undergraduates and postgraduate students]. Moscow, Izdatel'stvo RGGU Publ., 2019, 573 p. (In Russ.)